

различий лежит между домашними и общественными трапезами: первые и по материальному составу, и по нормам поведения трансформируются быстрее, чем вторые. Это объясняется, во-первых, тем, что общественные трапезы в отличие от домашних в силу своей массовости более строго подчиняются общепринятым нормативам, соблюдение которых контролируется общественным мнением; во-вторых, общественные трапезы по существу являются составными частями тех или иных традиционных обрядов и тут общественное регулирование трапез дополняется предписаниями ритуала. Таким образом, здесь налицо действие закономерности: чем сильнее влияние соционормативной культуры в пище, тем ниже степень трансформации. В силу этого наибольшая степень трансформации наблюдается в повседневных трапезах, где влияние этого фактора минимальное, наименьшее — в поминальных, особенно похоронных трапезах, где влияние этого фактора максимальное.

Что же касается традиционной системы питания туркмен вообще, то она сама по себе не консервативна и, как и все явления быта, подвержена развитию. Но это развитие идет главным образом на национальной основе, т. е. модернизированное традиционное и спонтанно возникшее новое превалируют над межэтническими заимствованиями. При этом заимствованные элементы интегрируются и подчиняются нормам традиционной системы питания. В силу этого этническая специфика среди других элементов материальной культуры устойчивее всего сохраняется в пище, и поэтому она есть и, видимо, будет одним из основных носителей этнически особенного в быту туркмен.

С. А. Дбар

ТРАДИЦИОННЫЕ РОДИЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ АБХАЗОВ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВЕТСКИЕ ГОДЫ

Обычаи и обряды, связанные с жизнью ребенка, в том числе родильные, как и свадебная обрядность, в этнографической литературе принято рассматривать как особый цикл семейных обрядов¹, имевших лишь одну цель — «обеспечение благополучного появления на свет и успехов в жизни нового члена общества»².

Специальные работы, характеризующие цикл родильных обычаев и обрядов у абхазов, отсутствуют. Данная статья, в какой-то мере восполняющая этот пробел, написана на основе многолетних наблюдений автора над абхазским бытом. Используются также полевые материалы, собранные в 1982 г., во время работы с экспедицией Института этнографии АН СССР, проводившейся по теме: «Комплексное биолого-антропологическое и социолого-этнографическое изучение народов с повышенным процентом долгожителей». Необходимый материал собирался в течение

¹ *Смирнова Я. С.* Воспитание ребенка у абхазов.— Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР. В. 36. М.—Л., 1962; *ее же.* Детский и свадебный циклы обычаев и обрядов у народов Северного Кавказа.— Кавказский этнографический сборник. VI. М.: Наука, 1976; *Гаврилюк Н. К.* Картографирование явлений духовной культуры: по материалам родильной обрядности у украинцев. Киев: Наук. думка, 1981; *Федянович Т. П.* Родильные обряды у мордвы (к их количественной характеристике).— В кн.: Традиционные и новые обряды в быту народов СССР. М.: Наука, 1981; *Соловьева Л. Т.* Динамика обрядности детского цикла у грузин Картли и Кахети (вторая половина XIX — начало XX в.).— В кн.: Этнокультурные процессы: методы исторического и синхронного изучения. М.: Наука, 1982; *ее же.* Родильная обрядность у грузин.— В кн.: Полевые исследования Института этнографии АН СССР, 1979, М.: Наука, 1983; *Чвырь Л. А.* Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений.— В кн.: Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М.: Наука, 1983.

² *Устинова М. Я.* Семейные обряды латышского городского населения в XX в. (по материалам городов Латгале и Курземе). М.: Наука, 1980, с. 53.

2,5 мес в Гудаутском и Очамчирском районах Абхазской АССР (т. е. в Бзыбской и Абжуйской Абхазии) по специально разработанному вопросу, включавшему 50 вопросов и составленному автором совместно с сотрудниками сектора этнографии народов Кавказа Института этнографии АН СССР.

Рождение ребенка считалось в абхазской семье чрезвычайно важным событием. Особенно радовались рождению сына, на которого смотрели как на продолжателя рода, опору отцовского дома и главного защитника семьи и ее имущества. Появление мальчика встречалось радостно, многочисленными выстрелами из ружей. Рождение в семье одних девочек считалось большим несчастьем. Это наряду с бездетностью могло стать причиной развода супругов или же привода в дом второй жены, что делалось с согласия первой (правда, такого рода факты не были характерны для абхазского быта). Рождение девочки встречалось радостно в тех случаях, если до нее в доме имелось несколько сыновей и родители ждали дочку.

Взгляды на дочь у абхазов противоречивы. В народе говорят: «Хорошая дочь двух сыновей стоит». Или же: «Хорошая дочь — и мальчик и девочка». И тем не менее очень часто дочь считалась гостьей в доме, человеком временным. Девочку называли «теряющая фамилию» (*ажэларзга*), так как девушка, выходя замуж, становилась членом другой фамилии — фамилии мужа.

Дородовой период. В прошлом абхазки старательно пытались скрыть беременность от старших по возрасту, особенно от свекра, свекрови, старших братьев мужа. О появлении первых признаков беременности молодая сообщала родственникам мужа через младших членов дома или через одну из невесток-ровесниц. С появлением видимых признаков беременности поведение женщины регламентировалось множеством ограничений. Она реже была на виду у свекра, старших деверей. В последние месяцы беременности она не навещала своих родителей, не появлялась в общественных местах. В целях маскировки беременная женщина надевала широкую одежду и поверх платья свободно повязанный фартук, который скрадывал выпуклость живота. По словам информаторов, некоторым удавалось подобными мерами скрыть свою беременность месяцев до пяти-шести. По традиции, беременную женщину абхазы называли иносказательно: *далашзеит* (букв.— она во что-то попала); *лцэ лтэым* (букв.— плоть не ее); *лыбеа лтэым* (букв.— кость не ее); *дхъантоуп* (букв.— тяжелая); *ддууп* (букв.— она большая).

К беременной женщине относились с большим уважением, старались оберегать ее от излишних физических и душевных потрясений. В частности, она могла реже ходить на похороны, особенно в последние месяцы беременности. Это делалось не только для того, чтобы она избежала нервного напряжения, что могло вредно отразиться на ее беременности, но в еще большей степени потому, что, по поверью абхазов, покойник мог сглазить и женщину, и будущего ребенка. Боязнь сглаза покойника была одним из наиболее распространенных суеверий абхазов. В связи с этим существовало несколько заклинаний. В качестве примера приведем одно из них:

За порог как переступишь,
Семь клубков шерстяных валяются.
Покуда переступишь туда, переступишь сюда,
Распутывая, распутывая, покуда их не сосчитаю,
Пусть не беспокоят тебя злые духи.
Чффу, чффу, чффу.
Выдох мой целебен³.

Чтобы избежать сглаза, беременную, перед тем как отправиться на похороны, смазывали чесноком. Перед самым выносом покойника ее вводили и не разрешали оглядываться.

³ Полевые материалы автора (далее — ПМ). Архив Ин-та этнографии АН СССР, 1982, л. 7.

Абхазы придавали большое значение питанию беременной женщины. Характер ее питания определялся различными пищевыми запретами. О них до сих пор хорошо помнят в селах Абхазии. Такого рода информацию мы получали не только от пожилых, но и от молодых женщин (28—30 лет). Многие из наших молодых информаторов говорили, что в период беременности можно есть «все, что душа пожелает». Однако, как правило, по традиции абхазские женщины в период беременности соблюдали в питании определенные запреты. Запретными считались многие продукты, в том числе кислое молоко (*ахарцзы*), козляное молоко и вареные ножки козленка, мясо домашних животных, которых поранил волк, мясо зайца, рыба, мед, орехи, груши (*акунсха*), алкогольные напитки. Считалось, что употребление беременной женщиной данных продуктов отрицательно влияет на умственное и физическое развитие будущего ребенка. Некоторые запреты были вполне рациональны. Так, например, беременной женщине категорически запрещалось пить водку, так как «водка будет мешать умственному развитию ребенка и его зрению»⁴. Запрещалось пить и вино: «если женщина во время беременности выпьет вино, то у ребенка, когда он вырастет и будет пить вино, лицо будет сильно краснеть»⁵. Существовали и другие пищевые ограничения. Беременным рекомендовалось меньше употреблять мясные блюда, но зато есть фрукты, овощи, молочные продукты.

С приближением родов, как правило, устраивали разгрузочные дни. В целом же в период беременности женщина не должна была есть много, чтобы не поправиться. Вместе с тем старались доставить беременной любую пищу, которую она пожелает, так как верили, что это желание исходит от ребенка и не удовлетворить его — большой грех. Вообще у абхазов было не принято отказывать беременной в ее просьбах. Если она просила какую-нибудь вещь у родственников или соседей, то ей обязательно дарили: считали, что отказавший все равно лишится этой вещи и, кроме того, в его доме появятся крысы.

Если в начале беременности трудовой режим женщины изменялся незначительно, то во второй ее половине некоторые виды домашних работ для беременной запрещались. Так, ей нельзя было колоть дрова, молоть кукурузу на ручной мельнице (*алыу аеы*), готовить аджику, месить абысту (если это было в большой семье и пища готовилась для большого числа членов семьи), так как размешивать всю эту массу считалось непосильным для беременной и это могло оказать вредное воздействие на нормальное протекание беременности. Не рекомендовалось много спать, наоборот по народным воззрениям, чем больше беременная будет двигаться, чаще бывать на свежем воздухе, тем легче пройдут роды. Подобные традиции, как и некоторые пищевые запреты, отражали многовековой рациональный опыт абхазского народа в такой жизненно важной ситуации, как беременность.

Беременная должна была следовать многочисленным предписаниям, в том числе и магическим. Так, при первом шевелении плода нужно было обязательно посмотреть на что-либо красивое, например на цветущее дерево, на красивую гору, на прекрасного в духовном и физическом отношении человека. Взгляд на цветущее дерево или на красивую гору мог способствовать тому, что жизнь у будущего ребенка будет красивой и цветущей⁶. «Для того чтобы в будущем хозяйстве ребенка был большой приплод скота, рекомендовалось смотреть на стадо, пасущееся на лугу. Если шевеление плода происходило в помещении, то беременная должна была посмотреть на белую стену: считалось, что тогда жизнь у ребенка будет протекать без затруднений и счастливо»⁷. В наши дни мало кто помнит об этих поверьях, и нам о них сообщили главным образом информаторы старшего поколения.

⁴ ПМ, л. 10, 11, 13.

⁵ ПМ, л. 15, 17.

⁶ ПМ, л. 25, 27, 30.

⁷ ПМ, л. 35, 36.

В ряде запретов, которые должна была соблюдать беременная, явственно прослеживаются следы предохранительной магии. В частности, ей запрещалось проходить между двумя надочажными цепями, ходить на кладбище, выходить со двора после захода солнца, садиться на камень, пустое корыто, сундук, раздувать огонь и т. д. «Беременной,— рассказывают абхазские женщины старшего возраста,— также запрещалось накидывать на шею нитку во время вязания или же шитья— считалось, что в этом случае ребенок может запутаться в кишках матери»⁸.

Интересно, что во время беременности женщины в определенной степени табуировалось и поведение ее мужа. Так, не только ей, но и мужу ее запрещалось убивать змею или какое-нибудь животное. По народному поверью, в случае нарушения этого запрета ребенок рождался со шрамом на лице. Желательно было также, чтобы в этот период муж не ходил на охоту. Однако этот запрет в конце XIX в. соблюдался уже редко. Если же случалось, что муж ходил на охоту, то дома не называли его по имени и делали вид, что не знают, куда он пошел. Кроме того, «будущий отец не имел права входить в число соприсяжников, давать клятву на священном месте, ибо считалось, что даже случайно произнесенная клятва может вызвать преждевременные роды»⁹.

У абхазов существовали разные способы угадывания пола будущего ребенка. Пол ребенка «угадывали» по величине и форме живота, по снам, которые видела беременная, а также с помощью различных магических приемов. По народным поверьям, например, если первое шевеление плода происходило с левой стороны живота, то родится непременно девочка, если с правой — мальчик. Такой способ определения пола существовал у многих народов Кавказа — грузин, армян, осетин, абазин и т. д. О том, что родится девочка свидетельствовала определенная форма живота беременной и появление на ее лице пигментных пятен. Считалось, что женщина, у которой должна была родиться девочка, худеет, дурнеет, у нее редееют волосы, брови, часто болят зубы. Объяснялось это тем, что «девочка вредна». Женщина, ожидающая мальчика, хорошеет и полнеет. Если беременная имела прямую осанку, быструю походку, легкие движения, то у нее должен родиться мальчик, в противном же случае — девочка.

Родовой период. В прошлом у абхазов, как и у других народов Кавказа, существовал ряд обычаев, магических приемов и примет, связанных с родами. Роды, как правило, проходили в *амхаре* — помещении, в котором протекает брачная жизнь семейной пары. Г. Ф. Чурсин писал, что «особого помещения для родов абхазы не имеют. Родильницу на все время родов и после них помещают в амхаре»¹⁰.

На время родов все взрослые мужчины семьи, и прежде всего муж, покидали дом и возвращались только после рождения ребенка. Т. Бесаева, рассматривая аналогичный осетинский обычай, справедливо отмечает, что «это было одним из проявления обычаев избегания, ставившим своей целью подчеркнуть непричастность мужа к рождению ребенка, так же как и к самой роженице»¹¹. Кроме того, когда наступал момент родов, строго придерживались обычая, по которому любой человек, вошедший во двор, не должен был выходить оттуда, пока женщина не родит ребенка. Считалось, если он покинет двор раньше, то роды могут затянуться.

На кровати роды проходили редко. Обычно женщина рожала на земляном полу, который устилали кукурузной соломой или папоротником. В случае трудных родов женщина держалась за концы перекинутой через потолочную балку веревки. Было известно поверье, что ребенок, ро-

⁸ Там же, л. 17, 19.

⁹ Смирнова Я. М. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины.— Кавказский этнографич. сб. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955, с. 133.

¹⁰ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абхаз. гос. изд-во, 1957, с. 179.

¹¹ Бесаева Т. З. Обряды и обычаи осетин, связанные с рождением и воспитанием ребенка (конец XIX — начало XX в.): Автореф. на соискание уч. степени канд. ист. наук. М.: Ин-т этнографии АН СССР, 1976.

дившийся на земле, выносливее и крепче, а роды на полу проходят якобы легче. Если роды были тяжелыми, то женщине, рожавшей на кровати, говорили: «Ты, которая не могла подстелить под себя ни одной связки *чалы* (кукурузная солома.— С. Д.), понятно, не можешь благополучно разрешиться»¹². Роженице чаще всего помогали повивальная бабка, а также ее замужняя золовка или же соседки. Обычно свекровь и женщины старшего возраста при родах не присутствовали.

В прошлом у абхазов применялись традиционные приемы родовспоможения. Если роды были трудными, то женщине парили ноги, растирали живот, на который накладывали жгут из скрученной простыни, водили по комнате и т. п. При трудных родах роженице давали пить настой из лекарственных трав, например из заячьей травы (*ажьафархь*). Навещавшие роженицу женщины, чтобы облегчить роды, гладили ее по голове и говорили: «Чтобы ты так легко разрешилась, как мы легко приходим и уходим»¹³. При трудных родах совершался обряд «вешания котла» (*акуаб кнахара*). Он сводился к тому, что в комнате, где проходили роды, вешали котел с положенным в него камнем и после родов, во время обряда *аглахьа* (о нем далее), котел снимали.

Прибегали и к действиям религиозного характера. Так как, по народным воззрениям, родам мешает «сила» земли (*адгьыл амч*), то для умилостивления этой «силы» повивальная бабка рассыпала вокруг роженицы пшено и пшеницу. Когда наступал момент родов, двери дома закрывали, так как верили, что если роженица увидит скотину, которая уходит в поле, то до ее возвращения роженица не сможет разрешиться. Верили, что если беременная из своего передника покормит лошадь очищенной от шелухи кукурузой, то роды начнутся вовремя и пройдут нормально.

Как только роженица удачно разрешалась, повитуха ножницами отрезала пуповину. Ножницы заворачивали в чистый кусок материи и не пользовались ими до тех пор, пока пупок не заживет; отрезанную пуповину не выбрасывали. Промыв и высушив, ее использовали как лекарственное средство против младенческой болезни *аблы*¹⁴. Послед закапывали недалеко от дома, желательно в том месте, где не ходили бы люди. Послед закапывать разрешалось только самой благожелательной женщине, так как верили, что если злая женщина закопает послед с вложенным в него камнем, то у роженицы больше не будет детей.

Повитуха, слегка обмыв ребенка водой, пеленала и укладывала его рядом с матерью. Наиболее старшие по возрасту информаторы утверждали, что после удачных родов повитуха сама купалась и стирала свои вещи. Многие наши информаторы, матери которых были повитухами, рассказывали, что после принятия ими родов в течение нескольких дней (до недели) им запрещалось готовить пищу, печь хлеб, подходить к очагу, доить корову¹⁵.

Повитуху после удачных родов одаривали материей, полотенцем и мылом. Если материей одаривали не всегда, то полотенце и мыло роженица вручала повитухе обязательно. В противном случае, по представлениям абхазов, после смерти обеих, на том свете, повитуха не даст покоя роженице, преследуя ее за то, что она не дала ей возможности вымыть руки¹⁶. Все эти обычаи, связанные с омовением и купанием после родов, можно рассматривать как пережитки веры абхазов в нечистоту роженицы.

По народному поверью считалось, что в ту ночь, когда рождается ребенок, решается и его судьба. В связи с этим нами было записано много легенд¹⁷.

¹² Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины, с. 133—134.

¹³ Чурсин Г. Ф. Указ. раб., с. 181.

¹⁴ «Аблы» — болезнь живота.

¹⁵ ПМ, л. 12, 13.

¹⁶ Там же, л. 18, 20.

¹⁷ Одну из них рассказала нам Лидия Кеца (с. Джгерда Очамчирского района): «Поздно ночью в одной абхазской семье родился мальчик. Ушли домой женщины, по-

Послеродовой период. Он считался особо опасным для роженицы и ребенка, ибо в это время, по традиционным воззрениям, влияние злых духов могло быть особенно сильным. Такое убеждение объясняется тем, что в дореволюционной Абхазии заболевание рожениц и смертность детей были особенно велики вследствие отсутствия медицинской помощи. Поэтому послеродовой период был заполнен многочисленными обрядами, призванными обеспечить благополучие новорожденному и его матери. Так, чтобы отогнать злых духов и обеспечить будущий успех в военных делах и охотничьих предприятиях, новорожденному под подушку клали пулю, девочке под голову — деньги или вещицы.

Сразу же после рождения мальчика устраивали обряд *пагургара* (радость по случаю рождения сына), а в случае рождения девочки — *пхагургара* (радость по случаю рождения дочери). В обоих случаях резали жертвенное животное, которое приносил дядя ребенка по матери или по отцу. На торжество созывались все соседи и близкие родственники, приходившие в дом с подарками для роженицы и ребенка. В честь рождения сына во дворе строили качели. Качаясь на качелях, молодежь напевала:

«Качаемся, качаемся.
У кого родился сын, готовил выкуп,
У кого родилась дочь, собирал выкуп».

Роженице запрещалось после захода солнца выходить из дома, не взяв с собой оберега от злых духов. Таким оберегом чаще всего служил нож или какой-нибудь металлический предмет. После возвращения она подходила к очагу и поправляла горящие поленья. Верили, что этим действием она очищает себя и отгоняет злых духов, преследовавших ее. В качестве оберега под колыбель ребенка клали веник. И в послеродовой период магические приемы сочетались с рациональными правилами гигиены. После родов женщину освобождали от всех тяжелых работ в доме: она не ходила за водой, не работала на огороде, не молола на ручной мельнице и т. д.

Если роды проходили нормально, роженица оставалась в постели после родов не менее трех-четырех дней. Подняться раньше было нельзя, так как это считалось позорным для родных мужа и навело бы на мысль, что они насильно заставили ее подняться раньше срока.

Когда роженица впервые вставала с постели, совершался обряд *агылара*, что значит «подниматься», «вставать». Обычно этот обряд проводили в четверг. В нем принимали участие только одни женщины: близкие родственницы, соседи и их дети, приглашенные свекровью. Гости приносили свежий сыр для начинки круглых хлебцев, пшеничную муку, битую птицу. Хозяйка резали козу, готовили абысту¹⁸, акуакуары¹⁹, круглый хлебец (так называемый *ачагъежь*), хлебец в виде полумесяца (*аагача*) и специальный хлебец с сыром, который носил название *аглахъа* (иногда так назывался и сам обряд). Моление проводила пожилая женщина, непременно «чистая», т. е. неспособная к деторождению и хорошо знавшая молитвы. Молельщица брала тарелку и трижды обво-

могавшие роженице. Ребенок лежал рядом с матерью. Вдруг в доме появились трое духов — предсказателей судьбы (*ашацэа*). Усевшись на надочажную балку, они предопределили родившемуся мальчику такую судьбу: «Пусть когда догорит последнее полено в очаге этого дома, умрет этот родившийся ребенок». Мать не спала и, услышав такое, вскочила, схватила последнее догоравшее полено, потушила его, хорошо обмотала тряпками и спрятала на дне сундука. Немного успокоившись, она заснула крепким сном. Прошло несколько лет, ребенок вырос. Став юношей, он женился на прекрасной девушке. Однажды молодая невестка, убирая дом, заметила на дне сундука какой-то сверток. Она раскрыла сверток, увидела обугленное полено, и, подумав, что не тут ему место, бросила в очаг. В это время ее муж сидел на балконе *акуаски* (традиционное абхазское жилище.— С. Д.) и шил себе ноговицы. Как только догорело полено, он упал в обморок и умер. Мать стояла во дворе, и, увидев, что случилось, подбежала к сундуку и все поняла, так как полена там не оказалось. Таким образом, — заключила информатор — судьбы не миновать!».

¹⁸ Абыста — блюдо, приготовленное из кукурузной муки.

¹⁹ Акуакуары — отварные лепешки, начиненные сыром.

дила ее вокруг роженицы и ребенка. Затем тарелку уносили, а молеельщица брала один из полукруглых акуакуаров и просила *ажьбахару* (божество плодородия) быть милостивым к роженице и ребенку: «Чтобы с этого дня все болезни прошли мимо Вас, чтобы ребенок рос здоровым»²⁰. По традиции обрядовую пищу имели право есть только женщины и дети. В настоящее время в такой трапезе принимают участие и мужчины. По окончании обряда молеельщице дарили деньги и материю на платье.

В день проведения праздника *агылара* (*аглахьа*) ребенку выбирали имя. Родители ребенка, в особеннности мать, по обычаю не должны были принимать участия в выборе имени. Ребенка не называли именем предков, ибо мать не имела права произносить их имена. Абхазы очень дорожили своими именами. Понятия «имя» и «слава» по-абхазски выражаются одним словом — *ахидз* (*ахьыз*), а лишение имени (*ахьызыххра*), как и фамилии (*ажэлахыххра*), считалось большим оскорблением и наказанием²¹.

На третьей неделе после рождения ребенка, в пятницу, в Бзыбской Абхазии проводили обряд *аныхэатэыг* — моление в честь новорожденного. О проведении этого обряда свекровь сообщала заранее своим соседям и близким родственникам, через специального посланника оповещались родители роженицы. Все приглашенные приходили в дом с подарками для роженицы и ребенка. В этот день приезжала мать роженицы, привозила люльку со всеми необходимыми принадлежностями, маленькую скамеечку для сидения, одежду новорожденному. На обряд *аныхэатэыг* приглашалась и специальная молеельщица — старая, почитаемая в селе женщина, которая не раз уже проводила этот обряд. Состоятельные хозяева по этому случаю резали козу, победнее — кур.

В течение нескольких дней приносили жертвы божествам и духам: *ажьбахара*, *адэныкуа* и *адгьыл-чча*. Прежде молились ажьбахара. Специально для этого моления резали курицу-несушку, а на месте, где родился ребенок, резали курочку (*акутаршац*) и делали специальную, так называемую чистую свечку. Готовили обрядовую пищу: круглые хлебцы, начиненные сыром (ачагъежь), абысту, кур, ореховую подливу, вино, водку. Молеельщица, нанизав вареные сердце, печень, голову курицы на ореховую палочку, произносила молитву, чтобы роженица и ребенок не знали болезней, чтобы божество ажахара смилостивилось над ними. Затем молеельщица зажигала свечу, брала кусочки сердца, печени курицы-несушки, хлеба и, облив их вином, клала на возвышенное место (чаще всего на притолоку). Роженице давали попробовать немного обрядовой пищи. Затем молеельщица брала сердце и печень курицы (*акутаршац*), поливала их вином, трижды обводила вокруг головы роженицы и клала на место, где родился ребенок. После этого все пробовали обрядовую пищу и произносили тост за здоровье роженицы и ребенка. На этом молении божеству ажахара завершалось.

Для моления *адэныкуа* (духам, находящимся вне дома, т. е. усопшим родственникам) готовили обильную пищу: абысту, *айладж* (абыста с сыром), круглые хлебцы, начиненные сыром, курятину, ореховую подливу (*арашы сызбал*), вино, водку. В качестве жертвы резали курицу, обязательно белую, и петуха, который, по народным воззрениям, предназначался для сопровождающих «духа» (*арбагъ иевицза рху хэа*), ставили свечку. Действия молеельщицы во время этого моления были аналогичны действиям, совершавшимся при молении божеству ажахара. В Бзыбской Абхазии проводилось также специальное моление божеству *адгьыл-чча*; в Абжуйской Абхазии — *адгьыл-дадупал*, т. е. в честь «царицы земли». Для этого обряда варили абысту, пекли пироги и четыре круглых акуакуара из пшеничной муки, начиненных свежим сыром, делали две свечи. Приглашенная молеельщица читала молитву, во время которой люлька с ребенком находилась справа от нее. Ребенка клали головой на восток, а роженица становилась на колени рядом с люлькой.

²⁰ ПМ, л. 31, 33.

²¹ *Инал-ипа Ш. Д.* Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми: Абхаз. гос. изд-во, 1954, с. 65.

Держа годовалого петуха левой рукой, молеельщица обращалась к царице земли: «Адгьыл-чча! Тебе посвящается проводимое моление. Просим тебя, чтобы ты была милостива к роженице и ребенку и с сегодняшнего дня ни в чем не мешала роженице в ее хозяйственных делах. Мы выкупили ее, мы молимся»²². Затем молеельщица с петухом в руках обходила молодую мать и люльку. Роженица трижды поворачивалась кругом и низко кланялась, после чего молеельщица резала жертвенного петуха на месте, где совершался обряд. Перед принятием пищи она еще раз произносила молитву. На стол, покрытый новой белой скатертью, ставили вареного петуха и испеченные блюда. Два акуакуара молеельщица клала на грудь молодой матери, один — на пупок ребенка, молясь, чтобы с этого времени они у них не болели. Церемония завершалась тем, что молеельщица обводила поочередно вокруг головы роженицы и ребенка свечами, которые затем зажигала и прикрепляла к дверной стойке. Жертвенную пищу имели право есть только родители ребенка.

Таким образом, в традиционных обычаях и обрядах абхазов тесно переплетались рациональные и магические правила и приемы, призванные, по народным поверьям, обеспечить появление и сохранение здорового потомства. К настоящему времени традиционная родильная обрядность во многом трансформировалась, исчезли некоторые магические обряды. Наиболее стабильными в родильном цикле оказались обычаи и обряды предродового периода, способствующие, по народным воззрениям, умственному и физическому развитию ребенка, благополучному исходу родов, хотя и здесь налицо важные изменения. Следует отметить стабильность пищевых запретов. Мало соблюдаются запреты, которые прежде налагались на поведение мужа во время беременности жены. Родовой период теперь полностью утратил традиционный характер, так как роды происходят в родильных домах. Значительно трансформировались обычаи и обряды послеродового периода. Например, прежде родители не имели права нарекать имя своему ребенку. Теперь же именно они дают ему имя. Изменились сроки проведения традиционных празднеств ажбахара, адэныкуа, адгьыл-чча, которые сейчас устраиваются в один день. Исчезли некоторые запреты. Например, в обрядовой трапезе теперь участвуют не только женщины и дети, но и мужчины. Наиболее стойкими оказались в послеродовом периоде обычаи и обряды, связанные с приобщением ребенка к семье, фамилии (например, наречение имени). Приведенные в статье материалы еще раз свидетельствуют о том, что развитие семейной обрядности, в частности важный вопрос о соотношении традиционного и нового, могут быть изучены на примере родильной обрядности²³.

²² ПМ, л. 40, 41.

²³ Дробижьева Л. М., Тульцева Л. А. Свадебная обрядность в общественном мнении (по материалам этносоциологических исследований у народов СССР).— Сов. этнография, 1982, № 5, с. 35.

Н. И. Ковалев, В. А. Ефанова

ЧЕРНАЯ СОЛЬ

[Об одном народном обычае костромичан]

До сегодняшнего дня среди коренного населения Костромской области бытует странный и непонятный на первый взгляд обычай — приготовление «черной соли». Этой солью посыпают перед едой сало, вареные яйца, свежие огурцы и помидоры, хлеб и другие продукты.

Для ее приготовления берут соль крупного помола, добавляют замоченный в воде ржаной хлеб, все перемешивают, заворачивают в белую тряпицу, перевязывают ниткой и кладут в русскую печь на горящие